

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XV ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВ АН СССР

(доклады и сообщения)

декабрь 1979 г.

Часть I (1)

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1981

А.В.Бурдуков, Предание о происхождении дэрбэтских князей кости Чорос. - В сб.: Труды Троицкосавско-Кяхтинского отдела Императорского русского Географического общества", т.ХІУ, вып.І, 2, 1911, с.56-58.

⁸ Об особенностях маньчжурской дипломатии эпохи консолидации маньчжурских племен см. - "Внешняя политика государства Цин в ХУП в." под ред. Л.И.Думана, М., 1977, с.67, 68.

⁹ Chiu man chou tang. The Old manchu archives, transl. and annotated by Kanda Nobuo. Tokyo, Toyo Bunko, 1975.

¹⁰ Цит. сб. "Внешняя политика...", с.68, 80.

Следует отметить, что рассказ Абахая о предках маньчжуров и завершение составления Тайцзу шилу произошли в 1636 г. с небольшим интервалом во времени.

И.М.Дунаевская

ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ДАТИРОВКА РЕЛЬЕФОВ ИЗ РАЙОНА НАХИЧЕВАНИ

В 1972 г. Алиса Шюкоров (Баку) привез в Ленинград фотографию рельефа на большом каменном блоке, напоминающем строительный камень (рис.1), полагая, что он представляет собой древнюю надпись. Как выяснилось позже, этот рельеф был обнаружен им в уличной ограде горного села Кечили (Шахбузский район Нахичеванской АССР), где имелись и другие аналогичные рельефы. Возник вопрос, является ли рельеф из с. Кечили действительно памятником письменности или же он носит чисто изобразительный характер. Неясно было также, как датировать этот памятник.

Считаясь с возможностью неоднократного вторичного использования такого рода массивных каменных блоков в различных сооружениях, можно было предположить, что в современную постройку включен камень с рельефом, высеченным в средние века или в древности, возможно, даже до нашей эры. Расспросы среди специалистов-медиевистов на первых порах к результатам не привели: найти средневековые параллели для кечилинского камня длительное время не удавалось. Между тем, нанесенные на грубо обработанную поверхность строительного камня и расположенные как бы "в строку" с незначительными промежутками между ними крупные (до 25 см в ширину и в высоту) схематизированные выпуклые рисуночные зна-

ки на ровно углубленном плоском фоне отдаленно напоминали хеттскую иероглифику. Эта ассоциация поддерживалась тем, что первым справа помещено изображение человека, которое часто встречается в начале надписей, сделанных иероглифическим (рисуночным) письмом, и тем, что в ту же сторону, вправо, простерта удлиненная горизонтальная часть последнего знака, как бы указывающая на начало "строки".

Иными словами, все выглядело так, как в хеттской иероглифике, когда дело касается первой строки надписи или ее единственной строки (если вся надпись состоит из одной строки), которая обычно читается справа налево. Если же учесть, что представление о хеттской иероглифике легко могло проникнуть в район Нахичевани через посредство урартов, которые в III в. до н.э. не только пользовались хеттской иероглификой,¹ но и создали свою,² то теоретически можно было допустить возникновение здесь в I тыс. до н.э. еще одной рисуночной письменности на основе местной изобразительной традиции и на местном языке,³ тем более, что строительные камни с древних пор постоянно использовались для размещения надписей.

Предположение, что рельеф из Кечили может оказаться строительным камнем с древней надписью, получило поддержку, когда по присланным эстампам азербайджанского археолога Вели Алиева стали известны еще три камня с рельефами описанного типа, найденные в том же селе: один - в ограде, по соседству с первым (рис.2), два других - в стенах домов (рис.3 и 4). У этих камней также была видна только одна плоскость, что не мешало думать, что по первоначальной форме они представляют собой строительные камни. Выпарпанная армянская дата на первом из новых для нас камней (1704 г. н.э.) производила впечатление сделанной позже. Особенно существенным казалось то, что среди прочих мотивов на трех рельефах были изображения сосудов и на всех четырех рельефах - изображения, похожие на голову животного с закрученными рогами и на "молот с наковальней", причем рукоятка "молота" в двух случаях была повернута вправо (на камнях, встроены в стены).

Эти особенности могли быть восприняты как доводы в пользу определения рельефов как надписей. Ведь, как известно, сосуды и головы животных - постоянные мотивы в репертуаре знаков древних рисуночных письменностей, а поворот несимметричного изображения (в данном случае "молота") на 180° мог в свою очередь служить

подтверждением гипотезы о том, что перед нами именно письменные знаки, так как древним письменностям часто бывал присущ такой поворот, связанный с изменением направления письма по типу бустрофедон, т.е. так, что одна строка писалась справа налево, а следующая слева направо, и т.д., причем все несимметричные знаки поворачивались от строки к строке, ориентируясь всякий раз на ее начало (как в данном случае рукоятка "молота").

Но было и обстоятельство, противоречившее выдвинутой гипотезе: весьма странным с точки зрения эпиграфики казалось не засвидетельствованное в рисуночных письменностях изображение человеческой фигуры и головы животного не в профиль, а в фас, имеющееся на трех из четырех рассматриваемых рельефов. И в хеттской иероглифике, с распространением представления о которой можно было бы попытаться увязать происхождение рассматриваемых рельефов, таких изображений нет: существует множество разнообразных симметричных изображений самых различных предметов, но симметричных, т.е. применительно к данному случаю повернутых лицом к зрителю (писцу или читателю) изображений людей или животных здесь не существует. Лицо человека или морда животного даются либо в профиль, либо как бы в полоборота, так что мы никогда не видим, как это имеет место на кечилинских камнях, оба глаза сразу.⁴ Впрочем, это противоречие не смутило одного из виднейших специалистов по хеттской эпиграфике Ф.Штайнгера, который в письме-отклике на публикацию первого кечилинского рельефа, хотя и с осторожностью, но все же попытался отождествить отдельные изображения с конкретными хеттскими иероглифическими знаками. Становилось ясно, что для определения характера рельефов из Кечили не обойтись без их обследования на месте, однако возможности для этого долгое время не представлялось. Когда же, в октябре 1978 г. экспедиция, наконец, состоялась, то оказалось, что кечилинские камни при ближайшем рассмотрении скорее похожи на надгробные, а не на строительные, и мысль о том, что их использование в средние века было вторичным, стала вызывать серьезные сомнения. Решение вопроса опять уперлось в поиски средневековых параллелей.

Однако на сей раз эти поиски можно было предпринять на месте, в районе Нахичевани, и они увенчались успехом. Выяснилось, что на заброшенном кладбище вблизи с. Норашен Джульфинского района Нахичеванской АССР сохранилось большое количество средневековых и более поздних надгробий. Здесь, среди торчащих из

земли надгробий в виде необработанных камней и каменных баранов с рельефом на одном боку и надписью либо армянскими, либо арабскими буквами на другом, В.Алиев обратил внимание автора на различные по форме каменные блоки с армянскими надписями и с рельефами, по стилю очень похожими на кечилинские. Наиболее интересным оказался один из таких блоков, представляющий собой лежащий параллелепипед размером 120х42х40 см, хорошо обработанный со всех видимых сторон. Одна из его продольных сторон заполнена довольно пространной армянской надписью, а на противоположной стороне выбит небольшой прямоугольник, в котором рельефно изображены уже знакомые нам "молот с наковальней" и "голова животного с закрученными рогами" (рис.5). Размещение надписи и рельефа и сама техника исполнения свидетельствуют об их одновременном нанесении на надгробный камень. Тем самым окончательно снимается предположение о возможности помещения армянской надписи на вторично использованном камне с уже имевшимся на нем древним рельефом. Существенно также, что "голова животного" в данном случае (в отличие от всех предыдущих) изображена не вертикально, а горизонтально и в таком виде больше напоминает ножницы или клещи ("молот с наковальней" при этом размещен, как обычно).

Дальнейшие расспросы привели в Ереван к Г.Караханяну, уже много лет специально занимающемуся изучением рельефов на армянских надгробиях. Им проделана огромная работа и обнаружено очень большое количество рельефов, но изданы из них пока единицы.⁵ По данным Г.Караханяна такого рода рельефы с изображением предметов быта, ремесла, а иногда и целых бытовых сцен, появились в IV-V вв., достигли расцвета и широко распространились в XV-XVI вв. и продолжают, хотя и значительно реже, встречаться в новое время. На сделанных Г.Караханяном фотографиях и зарисовках найденных им рельефов можно с легкостью обнаружить все мотивы, встречающиеся на кечилинских камнях, что позволяет отождествить эти мотивы с реальными предметами - сосудами, пиалами (кружки рядом с сосудами), молотом и наковальней (действительными, а не условными!), ножницами для резки металла (вовсе не "голова животного"!) и т.д.; среди персонажей, изображенных в фас легко отождествляется охотник, вооруженный луком (см. рис.1).

Таким образом, на основании аналогий с армянскими надгробиями кечилинские рельефы и изображенные на них реальные пред-

Рис. 1

Рис. 2

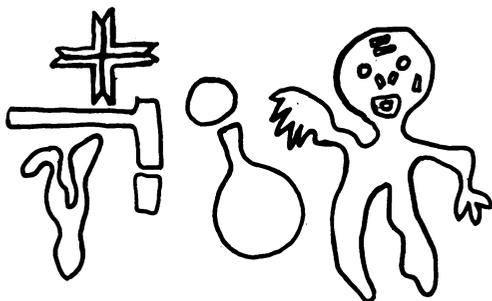

Рис. 3

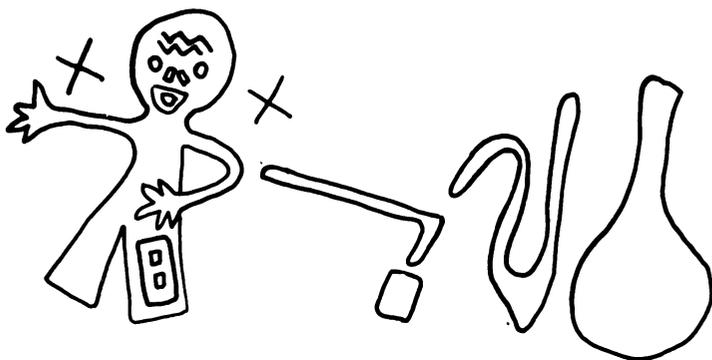

Рис. 4

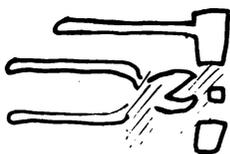

Рис. 5

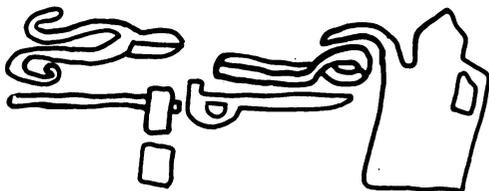

Рис. 6

меты прекрасно вписываются в средневековый контекст, так что необходимость в поисках каких бы то ни было других истолкований полностью отпадает. Существенно, что характер рельефных изображений бытовых предметов и сцен на могильных камнях Армении вызывает ассоциации с изображениями тех же объектов в армянских средневековых рукописях,⁶ что еще раз, притом с другой точки зрения, опровергает возможность датировки рельефов значительно более ранним временем и их трактовки как памятников письменности.

На этом настоящее сообщение можно было бы закончить, так как автор, не будучи специалистом по средневековью, не может вдаваться в толкование сюжетов на кечилинских камнях. Однако хотелось бы высказать предположение, что изображения молота с наковальной и ножниц, повторяющиеся на всех рассмотренных надгробиях, свидетельствуют, по-видимому, о принадлежности соответствующих могил медникам. Это подтверждается изображением тех же орудий в сочетании с чайником на рельефе середины XVI в. из собрания Г.Караханяна, воспроизведенном здесь с любезного разрешения последнего (рис.6; по-видимому, изготовление медной утвари было в поселении, существовавшем некогда на месте современного с. Кечили, основным ремеслом).

---

¹ J.Klein, Urartian hieroglyphic inscriptions from Altintepe. - Anatolian Studies, XXIV, 1974, p.77-93.

² R.D.Barnett, The hieroglyphic writing of Urartu. - Anatolian Studies, XXIV, 1974, p.43-55, t.XI-XIII.

³ И.М.Дунаевская, Иероглифическая надпись из района Нахичевани (предварительное сообщение). Сб. "Письменные памятники и проблемы истории культуры Востока", УШ годичная сессия ИО ИВ АН. 1972.

⁴ E.Laroche, Les hieroglyphes hittites, Paris, 1960.

⁵ Г.Караханян, Средневековые бытовые рельефы Армении (на арм.яз.). - "Вестник общественных наук" АН Арм.ССР, 1975, № 8, с.31-48; он же, Светская жизнь в произведениях резчиков по камню (на арм.яз.). - "Советакан арвест" ("Советское искусство"), 1976, № 10.

⁶ А.Геворгян, Ремесла и быт в армянских миниатюрах, Ереван, 1978.